

Редьярд Киплинг

Игра в поло

Редьярд Киплинг

Игра в поло

«Public Domain»

1895

Киплинг Р. Д.

Игра в поло / Р. Д. Киплинг — «Public Domain», 1895

«Все двенадцать имели полное право гордиться и вместе с тем бояться; хотя на турнире они и выигрывали игру за игрой в поло, но в этот день они должны были встретиться в финальном матче с командой „архангелов“, а противники эти играли с полудюжиной пони на каждого. Игра должна была быть разделена на шесть партий, с перерывами по восьми минут после каждого часа. Это означало, что у „них“ будет по свежему пони после каждого перерыва. Команда же скидаров могла выставить по свежему пони только через два перерыва; а два на один – шансы неравные. К тому же, как указал Шираз, серый сирийский пони, им придётся бороться с самым цветом поло – пони Верхней Индии, пони, каждый из которых стоит по тысяче рупий, тогда как сами они дешёвки, набранные большей частью из деревенских, возящих телеги пони, хозяева которых принадлежат к туземному бедному, но честному полку...»

© Киплинг Р. Д., 1895

© Public Domain, 1895

Редьярд Джозеф Киплинг

Игра в поло

Все двенадцать имели полное право гордиться и вместе с тем бояться; хотя на турнире они и выигрывали игру за игрой в поло, но в этот день они должны были встретиться в финальном матче с командой «архангелов», а противники эти играли с полудюжиной пони на каждого. Игра должна была быть разделена на шесть партий, с перерывами по восьми минут после каждого часа. Это означало, что у «них» будет по свежему пони после каждого перерыва. Команда же скидаров могла выставить по свежему пони только через два перерыва; а два на один – шансы неравные. К тому же, как указал Шираз, серый сирийский пони, им придётся бороться с самым цветом поло – пони Верхней Индии, пони, каждый из которых стоит по тысяче рупий, тогда как сами они дешёвки, набранные большей частью из деревенских, возящих телеги пони, хозяева которых принадлежат к туземному бедному, но честному полку.

– Деньги дают и ход и вес, – сказал Шираз, потирая печально свой шелковистый чёрный нос о свои чистые копыта, – а, по правилам игры, я знаю...

– Но мы играем не в правила, – сказала Мальтийская Кошка. – Мы играем в игру, и на нашей стороне то преимущество, что мы знаем эту игру. Подумайте-ка столько времени, сколько нужно, чтобы сделать шаг, Шираз. За две недели мы поднялись с последнего места на второе, играя против всех этих господинчиков; а это потому, что мы играем головой так же хорошо, как ногами.

– Во всяком случае, я чувствую себя малорослой и несчастной, – сказала Киттиуинк, кобыла мышинового цвета с самыми красивыми ногами, какие только могут быть у старого пони. – Они вдвое больше нас.

Киттиуинк оглядела собрата и вздохнула. Жёсткая, пыльная площадка для игры в поло в Умбалле была покрыта тысячами солдат, белых и смуглых, не считая сотен экипажей, повозок и догкартов, леди с зонтиками ярких цветов, офицеров в мундирах и без мундиров. За ними виднелись толпы туземцев, ординарцы на верблюдах, остановившиеся посмотреть на игру вместо того, чтобы развозить рапорты, и туземные барышники, разъезжавшие на белуджистанских кобылах, выискивая случай продать первоклассных пони для игры в поло. Кроме того, тут были пони тридцати команд, боровшихся за Верхнеиндийский кубок, – почти все лучшие пони от Мгова до Пешавара, от Аллахабада до Мультана; пони, уже бравшие призы; арабские, сирийские, варварийские, местного происхождения, декканские, вазирийские и кабульские пони всех мастей, статей и нравов, какие только можно представить себе. Некоторые из них стояли в конюшнях с крышами из циновок, расположенных вблизи площадки для игры в поло, но большинство стояло под сёдлами, а их хозяева, потерпевшие поражение в предыдущих играх, то подъезжали, то уезжали, указывая друг другу, как должна быть сыграна игра.

Зрелище было чудесное, и одного уже постоянного топота маленьких подков и беспрерывных приветствий между пони, встречавшимися на других площадках или бегах, было достаточно, чтобы свести с ума любого четвероногого.

Но команда скидаров старательно избегала знакомства с соседями, хотя половина из присутствовавших пони жаждала свести знакомство с маленькими собратями, явившимися с севера и до сих пор одерживавшими победы.

– Погодите, – сказал нежный, золотистый араб, очень дурно игравший накануне, Мальтийской Кошке, – не встречались ли мы четыре сезона тому назад в конюшне Абдул-Рахмана в Бомбее? Может быть, вы помните, что в следующем сезоне я выиграл Пайкпаттанский кубок?

– Это не я, – вежливо сказала Мальтийская Кошка. – Я была тогда на Мальте, возила тележку с овощами. Я не принимала участия в бегах. Я играю.

– О-о! – сказал араб, подымая хвост и важно отходя прочь.

– Держитесь своих, – сказала Мальтийская Кошка своим товарищам. – Мы не желаем тереться носами со всеми этими полукровками Верхней Индии с их гусиными задами. Когда мы выиграем этот кубок, они согласны будут отдать свои подковы, чтобы познакомиться с нами.

– Нам не выиграть кубка, – сказал Шираз. – Как вы себя чувствуете?

– Выдохшимся, как вчерашнее кушанье, по которому пробежала мускусная крыса, – сказал Поларис, довольно широкоплечий серый пони, и остальные согласились с ним.

– Чем скорее вы позабудете об этом, тем лучше, – весело сказала Мальтийская Кошка. – В большой палатке кончили завтрак. Теперь мы понадобится. Если седла будут неудобны, брыкайтесь. Если удила слишком натянуты, пятьтесь, становитесь на дыбы.

У каждого пони есть свой саис, грум, который живёт, ест и пьёт с пони и держит пари о результатах на гораздо большую сумму, чем может уплатить. Все было в полном порядке, и каждый саис, чтобы быть увереннее, до последней минуты мыл шампунем ноги своего пони. За саисами сидели все военные скидарского полка, которым удалось получить отпуск, – половина туземных офицеров и сотня-другая смуглых чернобородых вольтыжников, нервно перебивавших висевшие на лентах вольтыжки. Скидары представляли собой так называемый пионерский полк; а вольтыжки были национальным музыкальным инструментом для половины из них. Туземные офицеры держали в руках связки молотков с деревянными рукоятками; по мере того, как стэнд наполнялся людьми, окончившими завтрак, офицеры располагались в одиночку и по двое в различных местах площадки, чтобы в случае поломки молотка игроку не пришлось ехать далеко за новым. Нетерпеливый британский оркестр заиграл: «Хотите знать время, спросите полисмена!» – и двое судей в лёгких пыльниках выехали на приплясывавших, возбуждённых маленьких пони. Четверо игроков команды «архангелов» следовали за ними. При виде их прекрасных коней Шираз снова застонал.

– Подождём – увидим, – сказала Мальтийская Кошка. – Двое из них играют в наглазниках, а это значит, что они могут заградить путь своим, а также испугаться пони судей. У всех них белые бумажные поводья, которые, наверно, вытянутся или соскользнут.

– И, – сказала Киттиуинк, танцую, чтобы размяться, – они держат молотки в руках, вместо того чтобы повесить их на руку.

– Да, правда. Ни один человек не может управляться сразу и с молотком, и с поводом, и с хлыстом таким способом, – сказала Мальтийская Кошка. – Я падала на каждом квадратном ярде на площадке в Мальте и потому могу знать.

Она повела своим изъеденным блохами загривком, чтобы показать, как она довольна; но на сердце у неё было не так легко. С тех пор, как она приплыла в Индию на военном судне, взятая вместе со старым ружьём за долг, сделанный на скачках, Мальтийская Кошка играла в поло и проповедовала эту игру на каменной площадке для поло скидаров. Пони, играющий в поло, подобен поэту. Если он рождается с любовью к этой игре, то из него может выйти толк. Мальтийская Кошка знала, что бамбук растёт только для того, чтобы из его корней можно было выделывать мячи для поло, что зерно даёт пони, чтобы поддерживать их бодрость и силы для игры, и что пони подковывают для того, чтобы они не поскользнулись на повороте. Но кроме этого, она знала все фокусы и уловки этой прекраснейшей на свете игры и в продолжение двух сезонов учила других всему, что знала или о чем догадывалась.

– Помните, – в сотый раз повторяла она, когда подошли ездоки, – мы должны играть вместе, и вы должны играть головой. Что бы ни случилось, следуйте за мячом. Кто выступает первым?

На Киттиуинк, Шираза, Полариса и на короткого, высокого, маленького гнедого пони с громадными поджилками, с загривком, о котором не стоило и говорить (его звали Коркс), надели подпруги, и солдаты издали устремили глаза на них.

– Держите себя смирно, – сказал Лютиенс, капитан команды, – главное, не играйте на волынках.

– Даже если мы выиграем, капитан-сахиб? – спросил один из волынщиков.

– Если мы выиграем, можете делать что угодно, – улыбаясь, сказал Лютиенс.

Он надел рукоятку молотка на руку, повернулся и рысью поехал на своё место. Пони «архангелов» были несколько смущены присутствием многочисленной пёстрой толпы, стоявшей так близко к площадке. Их всадники были великолепными игроками, но это была команда отличных отдельных игроков, а не отличная команда, что и составляло громадную разницу. Они твёрдо решились играть сообща, но очень трудно четверым людям, каждый из которых является лучшим игроком своей команды, помнить, что в поло самое блестящее попадание, самая блестящая езда ничего не значат, если играть в одиночку. Их капитан отдавал приказанья, называя игроков по именам, – любопытно, что если англичанина назвать по имени при публике, он горячится и волнуется. Лютиенс ничего не говорил своим партнёрам, потому что все сказано было заранее. Он придержал Шираз, потому что хотел остаться позади, чтобы охранять выигрышный шест. Поуэлл на Поларисе был посредине, а Макнамара и Юз на Корксе и Киттиуинк были впереди. Тяжёлый бамбуковый шар был положен на середину площадки в расстоянии ста пятидесяти ярдов от конечных пунктов, и Юз скрестил молотки, подняв их вверх, с капитаном «архангелов», который решил играть форвардом, а в этом случае нелегко контролировать команду. Слабый звук удара молотков раздался по всей площадке. Юз сделал быстрый удар поворотом кисти, который отогнал шар на несколько ярдов. Киттиуинк давно был знаком этот приём, и она последовала за мячом, как кошка следует за мышью. Пока капитан «архангелов» повернул своего пони, Юз ударил изо всех сил, и в следующее же мгновение Киттиуинк понеслась, а за нею, совсем близко, и Коркс. Их маленькие ноги ударились о землю, словно капли дождя о стекла.

– Бери влево, – сквозь зубы сказала Киттиуинк, – он идёт в нашу сторону, Коркс!

Люди партии «архангелов» бросились к ней как раз в ту минуту, когда она была вблизи шара. Юз наклонился, отпустив повод, и отбросил шар влево почти под ноги Киттиуинк; шар подскочил и покатился к Корксу, который понял, что если он не поторопится, то шар укатится за пределы площадки. Эта продолжительная скачка дала «архангелам» время повернуться и послать трех всадников, чтобы отогнать Коркса. Киттиуинк осталась на своём месте, так как знала игру. Коркс подоспел к шару на четверть секунды раньше, чем другие, и Макнамара ударом наотмашь отослал его через всю площадку Юзу, который, увидев, что путь к выигрышному шесту «архангелов» свободен, отбросил туда шар прежде, чем кто-нибудь понял, что случилось.

– Вот счастье! – сказал Коркс, когда лошади поменялись местами. – Дойти до шеста в три минуты, с трех ударов... А об езде и говорить нечего.

– Не знаю, – сказал Поларис. – Мы слишком скоро рассердили их. Нисколько не удивлюсь, если в следующий раз они попробуют сбить нас с ног.

– Так подбрасывай шар все время, – сказал Шираз. – Это утомляет каждого непривычного пони.

На следующий раз галопировать по площадке было не так легко. Все «архангелы» столпились, как один, и должны были остаться на одном месте. Коркс, Киттиуинк и Поларис были все время вблизи шара, отражая удары, а Шираз кружился снаружи, поджидая удобного случая.

– Мы можем проделывать это целый день, – сказал Поларис, ударяя копытами в бок какого-то пони. – А, как вы думаете, куда вы стремитесь?

– Я... я, право, не знаю, – задыхаясь, проговорил пони, – я отдал бы корм целой недели за то, чтобы с меня сняли наглазники. Я ничего не вижу.

– Пыль довольно сильная. Уф! Вот попало в заднюю поджилку. Где шар, Коркс?

– Позади меня. По крайней мере, какой-то человек ищет его там. Прекрасно. Они не могут пустить в дело свои молотки, и это сводит их с ума. Толкните-ка старого с наглазниками, и он перебежит на свою сторону.

– Не трогайте меня! Я не вижу. Я... я попячусь, я думаю, – сказал пони в наглазниках, который знал, что если не видишь всего вокруг себя, то нельзя удержаться на ногах при толчке.

Коркс наблюдал за шаром, который лежал в пыли вблизи его передней ноги. Макнамара ударял его по временам молотком, держась за середину рукоятки. Киттиуинк прокладывала себе путь среди толпы, помахивая в нервном возбуждении обрубок хвоста.

– О! И попало же им! – фыркнула она. – Пропустите меня, – и она помчалась, словно пуля, выпущенная из ружья, за высоким, худым пони неприятеля, ездок которого размахивал молотком, готовясь к удару.

– На сегодня благодарю вас, – сказал Юз, когда удар скользнул по его поднятому молотку, а Киттиуинк оттеснила плечом высокого пони и оттолкнула его как раз в то время, как Лютиенс на Ширазе отослал шар обратно, а высокий пони, скользя и спотыкаясь, отъехал налево. Киттиуинк, видя, что Поларис присоединился к Корксу в охоте за шаром, заняла место Полариса, а затем объявили перерыв.

Пони скидаров не стали терять времени на брыканья и другие гневные проделки. Они знали, что каждая минута дорога, и потому тотчас же отправились к решётке и своим саисам, которые начали их скрести, чистить и покрывать попонами.

– Ух! – сказал Коркс, выпрямляясь, чтобы воспользоваться как можно лучше услугами большой скребницы. – Если бы играли пони против пони, мы через полчаса согнули бы вдвое этих «архангелов». Но они будут приводить все новых и свежих – вот увидите.

– Не все ли равно? – сказал Поларис. – Мы первые выпустили им кровь. Что мои поджилки, пухнут?

– Наливаются, – сказал Коркс. – Должно быть, сильно попало. Не запускай. Ты понадобишься через полчаса.

– Ну, как идёт игра? – спросила Мальтийская Кошка.

– Площадка похожа на твою подкову, за исключением тех мест, куда полили слишком много воды, – сказала Киттиуинк. – Там скользко. Не играйте в центре. Там грязно. Не знаю, как поведёт себя их следующая четвёрка, но мы все время гоняли шар и заставили их даром взмылиться. Кто выступает? Два араба и пара доморощенных? Это худо. Как приятно освежить рот водою.

Китти болтала, держа между зубами горлышко обтянутой кожей бутылки из-под содовой воды, и в то же время старалась повернуть голову так, чтобы видеть свой загривок. Это придавало ей очень кокетливый вид.

– Что, худо? – спросил Грейдаун, на которого надевали подругу, любясь своими хорошо поставленными плечами.

– Вы, арабы, не можете галопировать так быстро, чтобы разгорячиться – вот что хочет сказать Китти, – заметил Поларис, прихрамывая, чтобы обратить внимание на свои поджилки. – Вы уже готовы?

– Похоже на то, – сказал Грейдаун, когда Лютиенс вспрыгнул в седло. Поуэлл сел на Кролика, простую гнедую доморощенную лошадь, похожую на Коркса, но с лошаковыми ушами. Макнамара взял Феза Улла, ловкого, маленького рыжего араба с коротким задом и длинным хвостом, а Юз сел на Бенами, старого, угрюмого каракового коня, который выдвинулся вперёд больше, чем следовало.

– Бенами имеет деловой вид, – сказал Шираз. – Ну, как твоё настроение духа, Бен?

Старый боевой конь отъехал, ничего не ответив, а Мальтийская Кошка смотрела на новых вражеских пони, танцевавших на площадке. Это были чудесные вороные пони, и они

казались достаточно большими и сильными, чтобы съесть всю команду скидаров и ускакать галопом, переваривая пищу.

– Опять наглазники, – сказала Мальтийская Кошка. – Недурно!

– Это боевые кони – кавалерийские кони! – с негодованием сказала Киттиуинк. – Это против правил.

– Все они были тщательно измерены и получили свидетельства, – сказала Мальтийская Кошка, – иначе они не были бы здесь. Мы должны принимать вещи такими, как они есть, какими они предстают перед нами, и не спускать глаз с шара.

Игра началась, но на этот раз скидары были прикованы к своей границе площадки, и наблюдавшие за игрой пони не одобряли этого.

– Фез Улла, по обыкновению, уклоняется.

– Фез Улла получит хлыст, – сказал Коркс.

Слышно было, как обтянутый кожаным ремнём хлыст хлестнул по хорошо округлённым ляжкам малютки.

Потом на площадке раздалось пронзительное ржание Кролика.

– Я не могу всего этого проделать! – кричал он.

– Играй и не болтай! – строго сказала Мальтийская Кошка; и все пони дрожали от волнения, а солдаты и грумы ухватились за решётку и кричали. Вороной пони с наглазниками избрал старого Бенами и мешал ему всеми возможными способами. Видно было, как Бенами взмахивал головой вниз и вверх и хлопал нижней губой.

– Сейчас он свалится, – сказал Поларис. – Бенами начинает уставать.

Игра разгоралась на пространстве между шестью обеими сторонами, и вороные пони становились увереннее, чувствуя, что преимущество на их стороне. Шар был выбит из маленькой ямки. Бенами и Кролик последовали за ним; Фез Улла был рад успокоиться на мгновение.

Вороной пони налетал, как сокол, с двумя лошаадьми его партии; глаза Бенами заблестели, когда он поскакал. Вопрос был в том, какому пони придётся уступить дорогу другому; каждый из всадников готов был рисковать падением ради дела. Вороной пони, доведённый почти до безумия своими наглазниками, надеялся на свой вес и темперамент; но Бенами знал, как применять свою силу и как сдерживать свой нрав. Они встретились, и поднялось облако пыли. Вороной лежал на боку, совершенно задыхаясь. Кролик был в ста ярдах впереди, а Бенами присел на задние ноги. Он отлетел почти на десять ярдов, но отомстил и сидел, раздувая ноздри, пока вороной пони не встал.

– Вот тебе за вмешательство! Хочешь ещё? – спросил Бенами и бросился в самый центр игры. Ничего не было сделано, потому что Фез Улла не хотел идти галопом, хотя Макнамара бил его каждую свободную минуту. Падение вороного пони страшно подействовало на его товарищей, и потому «архангелы» не могли воспользоваться дурным поведением Феза Уллы.

Но, как говорила Мальтийская Кошка, когда был объявлен перерыв и все четверо вернулись, запыхавшиеся и обливающиеся потом, Феза Улла следовало бы прогнать вокруг всей площадки, осыпая побоями. Мальтийская Кошка обещала, что она выдернет с корнем его арабский хвост и съест его, если он не будет вести себя лучше в следующий раз.

Разговаривать было некогда, потому что раздалось приказание вывести следующих четырёх пони.

Третья партия отличается особой горячностью, потому что каждая сторона думает, что другая должна уже устать, и в это время шансы на успех бывают наиболее значительны.

Лютиенс сел на Мальтийскую Кошку, предварительно погладив и обняв её, так как ценил её более всего на свете. Пуэлла был на Шикасте, маленькой серой крысе без родословной и вне поло не имевшей никаких достоинств; Макнамара ехал на Бамбу, самой большой лошади из всей команды, а Юз взял лошадь неизвестной породы. Предполагалось, что у неё в жилах

течёт австралийская кровь, но вид она имела боевого коня, и её можно было бить по ногам железным прутом, не причиняя ей никакого вреда.

Они пошли навстречу цветку команды «архангелов», и когда Неизвестный увидел элегантно обутые ноги противников и их прекрасную, шелковистую шерсть, он улыбнулся сквозь свои лёгкие, сильно поношенные удила.

– Нужно с ними немножко поиграть в футбол, – сказал он. – Этих джентльменов нужно немножко осадить.

– Не кусаться! – предостерегла Мальтийская Кошка, так как было известно, что лошадь тёмного происхождения в течение своей карьеры забылась раза два в этом отношении.

– Кто говорил о том, чтоб кусаться? Я ведь веду игру серьёзную, а не пустячную.

«Архангелы» налетели, словно волки на стадо; они устали от футбола и желали начать игру в поло. Желание их исполнилось. Как только началась игра, Лютиенс ударил по быстро катившемуся к нему шару. Шар поднялся в воздух с шумом, напоминавшим крик испуганной перепёлки. Шикаст слышал этот звук, но в продолжение одной минуты не видел шара, хотя и смотрел вверх, в воздух, как учила его Мальтийская Кошка. Когда он увидел в воздухе шар, он пустился вперёд с Поуэллом, насколько мог быстрее. Тут-то Поуэлл, обыкновенно спокойный, вдруг почувствовал вдохновение и сделал удар, который иногда бывает удачным во время спокойной игры после целого вечера усердной работы. Он взял молоток обеими руками и, поднявшись на стремянах, ударил по шару в воздухе. Секунда как бы парализованного молчания, и потом со всех четырех сторон площадки поднялись неистовые крики одобрения и восторга, когда шар полетел в должном направлении. (Видели бы вы, как ныряли в свои седла, чтобы увернуться от шара, изумлённые «архангелы», с открытыми ртами смотревшие на него.) Полковые волынки скидаров визжали, пока у волынщиков хватало духу.

Шикаст услышал удар; но он слышал, что в то же время отлетела и рукоятка молотка. Девятьсот девять пони из тысячи бросились бы за шаром, а ставший бесполезным игрок старался бы удержать их; но Поуэлл знал Шикаста, и тот знал Поуэлла; в то же мгновение, как он почувствовал, что нога Поуэлла несколько подвинулась на седле, он направился к краю площадки, к тому месту, где какой-то туземец-офицер отчаянно размахивал новым молотком. Раньше, чем окончились приветствия, у Поуэлла уже был новый молоток.

Когда-то раньше Мальтийская Кошка слышала подобный удар, нанесённый ей всадником, и воспользовалась происшедшим смятением. На этот раз она действовала на основании опыта и, оставив Бамбу охранять шест от всяких случайностей, пролетела, словно молния, среди остальных лошадей, опустив голову и хвост; Лютиенс привстал, чтобы помочь ей, и, прежде чем другая сторона поняла, в чем дело, она чуть было не упала на голову у шеста «архангелов», когда Лютиенс отбросил шар на сто пятьдесят ярдов.

Более всего Мальтийская Кошка гордилась этим быстрым бегом через всю площадку. Она считала, что не следует гонять шары вокруг площадки, за исключением тех случаев, когда игра почти проиграна. После этого посвятили пять минут игре в футбол, а дорогой быстроногий пони ненавидит эту игру, потому что она раздражает его.

Неизвестный выказал себя с ещё лучшей стороны, чем Поларис. Он не позволил себе никакого уклонения, но проник в лагерь противника так спокойно, как будто опустил нос в кормушку в ожидании найти что-нибудь вкусное. Маленький Шикаст караулил шар, и всякий раз, как какой-нибудь пони противника приближался к шару, он находил стоящего рядом с ним Шикаста, который словно спрашивал, в чем дело.

– Если мы выдержим эту партию, я не буду больше беспокоиться, – сказала Мальтийская Кошка. – Не будем утомляться без толку. Пусть они стараются.

«Архангелы» держали их прикованными перед своим шестом, но это окончательно вывело из себя «архангельских» пони; они начали брыкаться, а люди стали сыпать комплимен-

тами; пони начали хватать Неизвестного за ноги, а он поджал губы и остался на своём месте; пыль стояла в воздухе, пока не кончилась эта горячая партия.

Пони были очень возбуждены и самоуверенны, когда вернулись к своим саисам; и Мальтийской Кошке пришлось предостерегать их, напоминая, что теперь наступает самая скверная часть игры.

– Теперь мы идём во второй раз, – говорила она, – а они выводят новых пони. Вы думаете, что можете идти галопом, но увидите, что не можете; и тогда вы будете огорчены. Ради Бога, не выступайте вновь с мыслью, что игра уже наполовину выиграна, если до сих пор нам улыбалось счастье. Они прогонят вас и не дадут вам двинуться с места, если смогут; не давайте им этого шанса. Следуйте за шаром.

– По обыкновению, футбол? – сказал Поларис. – У меня поджилки вздулись, как торба с овсом.

– Не давайте им видеть шар, если сможете. Теперь оставьте меня одну. Я должна отдохнуть как можно лучше перед последней партией.

Она опустила голову и ослабила все мускулы; Шикаст, Бамбу и Неизвестный последовали её примеру.

– Лучше не смотреть на игру, – сказала она. – Мы не играем и только ослабеем, если будем тревожиться. Смотрите на площадку и воображайте, что теперь отдых.

Они постарались последовать её совету, но трудно было исполнить его. Копыта выбивали барабанную трель, молотки стучали вдоль всей площадки, а крики одобрения английских отрядов показывали, что «архангелы» сильно теснят скидаров. Туземные солдаты, стоявшие позади пони, стонали, ворчали и говорили разные разности вполголоса; вдруг они услышали продолжительные восклицания и взрыв «ура!».

– Это приветствуют «архангелов», – сказал Шикаст, не подымая головы. – Время отдыха почти прошло. Ох, что-то будет!..

– Фез Улла, – сказала Мальтийская Кошка, – если в этот раз ты не будешь играть до последнего гвоздя в твоей подкове, я побью тебя на площадке при всех других пони.

– Я сделаю все, что смогу, когда придёт моё время, – решительно сказал маленький араб.

Саисы серьёзно смотрели друг на друга, растирая ноги своих пони. Теперь только настало время, когда все поставлено на карту, и все знали это. Киттиуинк и другие пони вернулись; пот катился градом с их подков и хвостов. Они рассказали печальные новости.

– Они лучше нас, – сказал Шикаст. – Я знал, что так будет.

– Закрой рот! – сказала Мальтийская Кошка. – У нас все же одна лишняя выигранная партия.

– Да, но теперь будут играть два араба и два доморощенных пони, – сказал Корке. – Фез Улла, помни!

Он говорил резким тоном.

Когда Лютиенс сел на Грейдауна, он взглянул на своих партнёров: вид их был, нельзя сказать, чтобы красивый. Они были покрыты полосами грязи, смешанной с потом. Их жёлтые сапоги стали почти чёрными, кисти рук покраснели, жилы набухли; глаза, казалось, вышли на два дюйма из орбит, но выражение их было бодрое.

– Поели вы что-нибудь за завтраком? – спросил Лютиенс. Команда отрицательно покачала головами. Во рту у всадников пересохло; им трудно было говорить.

– Хорошо. «Архангелы» позавтракали. Они хуже подготовлены, чем мы.

– У них пони лучше, – сказал Поуэлл. – Эх, скорее бы все это кончилось...

Пятая партия была худшая во всех отношениях. Фез Улла играл, как маленький красный демон; Кролик, казалось, появлялся сразу во всех местах, Бенами бросался на все, что попадалось ему на пути; судьбы на своих пони кружились, словно чайки, следя за постоянно изменявшейся игрой. Но у «архангелов» лошади были лучше – они придержали своих рысаков к концу

игры и не давали скидарам играть в футбол. Они бросали шар вверх и вниз, пока не опередили Бенами и остальных. Тут они выехали вперёд, и снова Лютиенс со своим пони еле успели отразить шар сильным ударом. Грейдаун забыл, что он араб, и из серого превратился в синего, галопируя изо всех сил. Он забылся настолько, что не держал глаза опущенными в землю, как следует арабу, но поднял нос кверху и бежал быстро, думая только о том, чтобы поддержать честь своей команды. Во время перерывов площадку раза два поливали водой; какой-то беспечный водовоз вылил все остатки воды в одно место вблизи шеста скидаров. Конец был уже близок, и Грейдаун в десятый раз бросился за шаром, как вдруг его задняя нога поскользнулась в жирной грязи, и он упал, сбросив Лютиенса вблизи шеста, и торжествующие «архангелы» отбросили шар в свою сторону. Тут объявили перерыв. Лютиенс не мог подняться без посторонней помощи; а когда поднялся Грейдаун, оказалось, что нога у него вывихнута.

– Где перелом? – спросил Поуэлл, обвивая рукой Лютиенса.

– Конечно, ключица, – сквозь зубы сказал Лютиенс. За два года он три раза ломал себе ключицу, и это было досадно ему.

Поуэлл и остальные присвистнули.

– Игра проиграна, – сказал Юз.

– Держитесь! У нас ещё целых пять минут, и у меня сломана не правая рука, – сказал Лютиенс. – Мы выьем шар.

– Вы ушиблись, Лютиенс? – спросил подъехавший капитан «архангелов». – Мы подождём, если вы хотите выставить заместителя. Я желаю... Я хочу сказать... Дело в том, что вы более, чем кто-либо, заслуживаете выигрыша. Мне хотелось бы, чтобы мы могли дать вам на подмогу игрока, или какого-нибудь из наших пони, или что-нибудь.

– Вы очень добры, но, я думаю, мы будем играть до конца.

Капитан «архангелов» несколько секунд пристально смотрел на него.

– Ну, значит, дело не так плохо, – сказал он и вернулся к своей команде; а Лютиенс взял шарф у одного из туземных офицеров и сделал перевязку. Потом подъехал один «архангел» с большой губкой и посоветовал Лютиенсу положить её подмышку, чтобы плечу было легче; они вместе перевязали левую руку Лютиенса по всем правилам медицинского искусства, а один из туземных офицеров выскочил вперёд с четырьмя высокими стаканами, в которых что-то шипело и пенилось.

Команда с состраданием смотрела на Лютиенса, и он кивнул головой. Это была последняя партия, после которой все становилось безразличным. Выпили темно-золотистый напиток, отёрли усы, и надежды ожили.

Мальтийская Кошка сунула нос в рубашку Лютиенса и пробовала сказать, как ей жаль его.

– Она знает, – гордо сказал Лютиенс. – Знаешь, шельма! Я играл, бывало, с ней без узды – в шутку.

– Теперь не до шуток, – сказал Поуэлл. – Но у нас нет приличного заместителя.

– Нет, – сказал Лютиенс. – Это последняя партия, и нам нужно выиграть. Я положусь на Кошку.

– Если вы упадёте в этот раз, вы сильно пострадаете, – сказал Макнамара.

– Я доверюсь Кошке, – сказал Лютиенс.

– Вы слышите? – с гордостью сказала Мальтийская Кошка остальным. – Стоит играть десять лет в поло, чтобы услышать такие слова. Ну, идёмте, сыны мои! Мы немножко побрыкаемся, чтобы показать «архангелам», что мой всадник не пострадал.

И, действительно, когда выехали на площадку, Мальтийская Кошка, убедясь, что Лютиенс крепко сидит в седле, брыкнула раза три-четыре; Лютиенс рассмеялся. Кое-как кончиками пальцев забинтованной руки он захватил повод, хотя и понимал, что не может положиться на него.

Он знал, что Кошка поддаётся малейшему нажатию ноги, и, чтобы покрасоваться – хотя плечо у него сильно болело, заставил пони проделать восьмёрку между шестами. Раздались оглушительные крики туземцев, офицеров и солдат, которые очень любят всякие «дугабаши», как они называют фокусы, проделываемые всадниками. Волынки очень спокойно и презрительно проиграли первые ноты комической базарной песенки, как бы предупреждая другие отряды, что скидары готовы. Все туземцы расхохотались.

– А теперь, – сказала Кошка, когда все встали на места, – помните, что это последняя партия, и следуйте за шаром.

– Не нуждаемся в указаниях, – сказал Неизвестный.

– Дай мне досказать. Все эти люди станут толпиться с четырех сторон – как то было на Мальте. Вы услышите, как они будут перекликаться, бросаться вперёд, как их будут отталкивать назад, и «архангельские» пони почувствуют себя очень несчастными. Но если шар будет отброшен к краю, ступайте за ним и разгоняйте людей. Я перескочила однажды через дышло экипажа и выиграла игру, благодаря поднявшейся вокруг него пыли. Поддержите меня, когда я побегу, и следуйте за шаром.

Когда началась последняя партия, вокруг послышались возгласы сочувствия и удивления, и произошло то, что предвидела Мальтийская Кошка. Зрители столпились по краям площадки, и пони «архангелов» искоса смотрели на все суживавшееся пространство. Если вы испытали чувство человека, которому отрезают свободный выход во время игры в теннис – не потому, что он хотел убежать из круга, но потому, что для него важно сознание, что он может сделать это в случае нужды, – то поймёте, что должны чувствовать пони, когда играют в ящике из живых существ.

– Я собью в кучу некоторых из этих людей, если только доберусь до них, – сказал Неизвестный, двигаясь за шаром.

Бамбу молча, утвердительно кивнул головой. Они играли из последних сил, и Мальтийская Кошка покинула шест, чтобы присоединиться к ним. Лютиенс отдавал всевозможные приказания, чтобы заставить её вернуться; но в первый раз за всю свою карьеру маленький, умный серый пони играл в поло под свою личную ответственность, и он решил воспользоваться этим.

– Что вы тут делаете? – сказал Юз, когда Кошка пересекла ему дорогу, обгоняя пони «архангелов».

– Кошка атакует – стерегите шест! – крикнул Лютиенс и, наклонившись, сильно ударил по шару, потом поскакал дальше, отгоняя «архангелов» к их шесту.

– Никакого футбола! – сказала Кошка. – Держите шар; заставьте их сбиться в кучу и гоните к краю.

Шар летал по площадке по диагоналям, и каждый раз, как он приближался к краям, «архангельские» пони упрямо пятились назад. Они не желали идти очертя голову на стену из людей и экипажей, хотя, будь площадка открыта, они бросились бы на неё.

– Отодвигайте их к краям! – сказала Кошка. – Держитесь ближе к толпе. Они ненавидят экипажи! Шикаст, держи их с этой стороны!

Шикаст с Поуэллом пронеслись то справа, то слева того места, где происходила схватка, и каждый раз, когда отгоняли шар, Шикаст галопировал за ним под таким углом, что Поуэллу приходилось направлять шар к краю площадки; когда толпу удавалось отогнать с этой стороны, Лютиенс отсылал шар в другую, а Шикаст отчаянно гнался за ним, пока на подмогу ему не являлись друзья. Теперь это была игра на бильярде, а не футбол; бильярд с лузой в углу, а кий не был как следует натёрт мелом.

– Если они заставят нас выйти на середину площадки, они уйдут от нас. Рассейтесь...

Они рассеялись вдоль площадки так, что ни один пони не мог подойти к ним справа; «архангелы» бесились, судьям пришлось не обращать внимания на игру, а только кричать на зрителей, чтобы разгонять их: несколько неловких конных полицейских пробовали восстано-

вить порядок, а нервы пони «архангелов» натянулись и рвались, как паутина. Раз пять-шесть кому-нибудь из «архангельских» пони удавалось бросить шар на середину площадки, и каждый раз бдительный Шикаст давал Поуэллу возможность отбивать шар, и всякий раз, когда рассеивалась пыль, видно было, что скидары продвинулись на несколько ярдов.

По временам раздавались громкие крики зрителей: «Левее! Правее!», но команды были слишком заняты, чтобы обращать внимание на это, а судьи употребляли все усилия, чтобы удерживать своих бесившихся пони от участия в свалке.

Но вот Лютиенсу не удался удар, и скидарам пришлось бежать как попало на защиту своего шеста. Шикаст шёл впереди. Поуэлл остановил шар ударом наотмашь в пятидесяти ярдах от шеста, и Шикаст повернулся так круто, что Поуэлл чуть было не вылетел из седла.

– Теперь наш последний шанс, – сказала Кошка, вертясь, как майский жук на булавке. – Надо выступать! Ступайте за мной!

Лютиенс почувствовал, как она глубоко вздохнула и как бы припала к земле. Шар, подпрыгивая, катился к правому краю площадки, куда скакал «архангел», подгоняя шпорами и хлыстом своего пони; но ни шпоры, ни хлыст не могли заставить пони прибавить ходу, когда он приблизился к толпе. Мальтийская Кошка проскользнула под самым его носом, круто подняв задние ноги, так как оставалось мало места между её копытами и мундштуком чужого пони. Это было проделано так ловко, что напоминало фигурное катанье на коньках. Лютиенс ударил изо всех оставшихся сил, но молоток выскользнул у него из рук, и шар отлетел влево, вместо того чтобы остаться вблизи края площадки. Грейдаун был далеко и размышлял, галопируя. Он повторил шаг в шаг манёвр Кошки с другими пони, отогнав шар из-под его мундштука и обогнав противника на полдюйма. Потом он отъехал вправо, тогда как Мальтийская Кошка взяла влево; Бамбу шёл как раз посреди них. Все трое как бы шли в атаку; охранять шест остались только бэки «архангелов»; но непосредственно за ними спешили изо всех сил три скидара и среди них Поуэлл, подгонявший Шикаста, так как чувствовал, что это последняя надежда. Нужно быть очень хорошим ездоком, чтобы выдержать напор семи бешеных пони в последние минуты борьбы за кубок, когда люди скачут, уткнувшись носом в лук седла, а пони находятся точно в бреду. Бэк «архангелов» потерял свой удар и отъехал как раз вовремя, чтобы пропустить первый напор. Бамбу и Неизвестный умили шаг, чтобы пропустить Мальтийскую Кошку, и Лютиенс попал в шест чистым, ловким, громким ударом, который раздался по всему полю. Но остановить пони было невозможно. Они ворвались через ограду у шеста толпой, победители и побеждённые вместе. Бег был ужасен. Мальтийская Кошка знала по опыту, что должно произойти, и из последних сил повернула направо, чтобы спасти Лютиенса, так сильно, что навсегда повредила себе мускул. Как раз когда она сделала это, она услышала треск одного из столбов, о который ударился какой-то пони. Столб затрещал и упал, как мачта. Столб был подпилен в трех местах в целях безопасности, но тем не менее пони испугался и наткнулся на другого, а тот наткнулся на столб слева; поднялось смятение, пыль; полетели щепки. Бамбу лежал на земле и видел над собой звезды; рядом с ним катался «архангельский» пони, задыхаясь и сердясь; Шикаст присел по-собачьи, чтобы не упасть на других, и пополз на своём маленьком, коротком хвосте в облаке пыли; а Поуэлл сидел на площадке, барабанил молотком и пробовал кричать «ура». Все остальные кричали так громко, как только позволяли им остатки их голоса; зрители, которых разгоняли, также кричали. Как только увидели, что никто не пострадал, десять тысяч туземцев и англичан принялись кричать, аплодировать, и, прежде чем кто-нибудь успел остановить их, волынщики скидаров ворвались на площадку со всеми туземными офицерами и солдатами и стали расхаживать взад и вперёд, играя дикую северную мелодию, называемую «Закмэ Баган». Среди дерзкого рёва волынок и пронзительных криков туземцев слышно было, как оркестр «архангелов» выбивал: «Так как все они славные малые» и потом – обращаясь к проигрывавшей команде: «О, о, Кафузалум! Кафузалум! Кафузалум!»

Кроме всего этого, главнокомандующий, главный инспектор кавалерии и начальник ветеринарной части во всей Индии, стоя в полковом экипаже, кричали, как школьники, а бригады, полковники, комиссионеры и сотни хорошеньких леди присоединились к общему хору. Но Мальтийская Кошка стояла, опустив голову, обдумывая, сколько у неё осталось ног. Лютиенс смотрел, как люди и пони выбирались из-под обломков двух шестов, и нежно гладил Кошку.

– Слушайте, – сказал капитан «архангелов», выплёвывая изо рта камешек, – хотите три тысячи за этого пони – вот каков он есть?

– Нет, благодарю вас. Я убеждён, что он спас мне жизнь, – сказал Лютиенс.

Он сошёл с лошади и растянулся на земле. Обе команды были на площадке, размахивая в воздухе сапогами, кашляя и тяжело дыша. Саисы прибежали, чтобы взять пони, а предупредительный водовоз обрызгал игроков грязной водой так, что им пришлось сесть.

– Батюшки! – сказал Поуэлл, потирая спину и смотря на остатки шестов. – Вот так была игра!

Они вспоминали её, удар за ударом, в этот вечер на большом обеде, где «Общий Кубок» наполнялся и переходил из рук в руки вдоль всего стола, осушался и снова наполнялся, а все говорили самые красивые речи. Около двух часов утра, когда собрались поесть, в открытую дверь заглянула маленькая некрасивая серая головка.

– Ура! Впустите его! – кричали «архангелы».

Саис Мальтийской Кошки, который был действительно очень счастлив, погладил её по боку, и она вошла, хромя, при ярком свете в толпу блестящих мундиров, ища Лютиенса. Она привыкла к солдатским столовым, солдатским спальням и местам, где пони не всегда поощряются, а в молодости, на пари, вскакивала на стол и соскакивала с него. Поэтому она вела себя очень важно, ела хлеб, посыпанный солью, и принимала ласки со всех сторон, тихонько обходя весь стол. И все пили за её здоровье, потому что она сделала для выигрыша кубка больше, чем кто-либо из людей или лошадей, принимавших участие в игре.

Мальтийская Кошка заслужила честь и славу на всю свою жизнь и не очень сожалела, когда ветеринарный врач сказал, что она больше не годится для поло. Когда Лютиенс женился, жена не позволила ему играть, и потому он принуждён был принимать участие в игре только в роли судьёй. В таких случаях под ним бывал изъеденный блохами серый пони с аккуратным хвостом, совершенно хромой, но отчаянно быстрый на ноги и, как всем было известно, в давно прошедшее время – лучший игрок в поло.